

Андрей Филимонов

РЕЦЕПТЫ СОТВОРЕНИЯ МИРА

От Парижа до Сибири
через весь XX век

роман

Финалист премий
«Национальный бестселлер» и «НОС»

18+

Андрей Викторович Филимонов

Рецепты сотворения мира

Серия «Классное чтение»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22563322
Рецепты сотворения мира. Роман: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106502-7*

Аннотация

Андрей Филимонов – писатель, поэт, журналист. В 2012 году придумал и запустил по России и Европе Передвижной поэтический фестиваль «ПлясНигде». Автор нескольких поэтических сборников и романа «Головастик и святые» (шорт-лист премий «Национальный бестселлер» и «НОС»).

«Рецепты сотворения мира» – это «сказка, основанная на реальном опыте», квест в лабиринте семейной истории, петляющей от Парижа до Сибири через весь XX век. Члены семьи – самые обычные люди: предатели и герои, эмигранты и коммунисты, жертвы репрессий и кавалеры орденов. Дядя Вася погиб в Большом театре, юнкер Володя проиграл сражение на Перекопе, юный летчик Митя во время войны крутил на Аляске роман с американкой из племени апачей, которую звали А-36... И никто из них не рассказал о своей жизни. В лучшем случае – оставил в семейном архиве несколько писем... И главный герой

романа отправляется на тот берег Леты, чтобы лично пообщаться с тенями забытых предков.

Содержание

Женский	5
1	5
2	11
3	16
4	20
5	30
6	34
7	41
8	49
9	53
10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Андрей Викторович
Филимонов**

Рецепты сотворения мира

Роман

Женский

1

Я хочу рассказать о девушке на фотографии. Вы не против?

Первого марта 1939 года она зашла в ателье, где мирно спал мастер, пожилой армянин с острыми гурджиевскими бровями. Вежливо кашлянув у него над ухом, она спросила, может ли он сделать ее портрет. Протирая глаза, мастер ответил: обижаешь! Как я могу чего-то не мочь? Перед тобой сидит человек, который стоял у истоков кинематографа и повидал немало кинозвезд через глазок киноаппарата. Так вот, знаешь что? Они все – *тьфу*, – он изобразил плевок, – по сравнению с тобой. Ты уж мне поверь. Это говорит послед-

ний из могикан, который еще понимает в искусстве. Сейчас мы вместе сделаем такое, после чего и умереть не жаль. Шедевр сделаем. Лучший портрет самой красивой девушки в городе. Одна карточка стоит пять рублей – деньги пойдут на его похороны. Садись в кресло-качалку и улыбайся, чтобы старый мастер в последний раз почувствовал себя молодым орлом. Но сначала назови имя и фамилию.

– Орлова Галина.

– Очень хорошо, – кивнул армянин, выписывая квитанцию.

Фотография, если честно, получилась не шедевр. Старик халтурил, ему надоело творить задолго до рождения Гали. Он брал деньги авансом и всех клиенток снимал в одной кокетливой позе: ножки под себя, руки за голову, локти вперед.

Семнадцатилетняя Галя очень старалась выглядеть роковой и томной. Ее высветленные кудри символизировали порыв к небесному идеалу платиновой блондинки (ПБ). Потому что блондинка – венец творения. Жить с ней и умереть за нее мечтали герои Древней Греции и нашего времени. Когда изобрели кино, луч света в темном царстве, она стала царицей мира.

Ну, может быть, не сразу, но уж точно после краха Нью-Йоркской биржи. В 1931 году на экраны вышел одноименный фильм. Земную ипостась ПБ звали Джин Харлоу. Она была первой секс-бомбой, взорвавшей мозг целому поколе-

нию. Подружка гангстеров и боксеров. Трагическая фигура. Звезда, сгоревшая на глазах всего мира, как тунгусский метеорит. Она ушла, не дожив до тридцати. Голливудские таблоиды обвиняли в ее смерти режиссера Говарда Хьюза, заставлявшего Джин травить волосы ядовитой краской. Довоенная химия была адски токсичной. Нежные почки актрисы не выдержали нагрузки. Образ убил носителя.

Но жизнь продолжалась. На арену выходили новые блондинки. И тоже работали над образом всерьез, до полной гибели. Гномьи бригады продюсеров тюкали волшебными молоточками по золотым головкам моделей, добиваясь совершенства убойной силы. В Лос-Анджелесе и Берлине, в кузнях *UFA* и *Paramount*, днем и ночью, чтобы зрители раскошелились на баттл «Золушка демократии vs Тоталитарная Брунгильда».

Кинопленка тогда хорошо горела, дымилась предчувствием мировой войны и вспыхивала как порох. Летучие мыши носились над летним кинотеатром в парке культуры. Двум девочкам было тесно на одном шаре.

Белокурая бестия на разогреве у вермахта заводи́ла стадионы, возбуждая в мужчинах желание расширять жизненное пространство и орать, маршируя с факелом в высоко поднятой руке. Арийские режиссеры не заморачивались разнообразием, совершенствуя один образ: Лили Марлен под фонарем в Вальгалле.

Многоликая голливудская фея дарила аудитории иллю-

зию выбора. Что-то вроде зодиакального круга, где каждая смертная могла найти свой архетип. Не важно, с перекисью или в натуре.

Жадный Сталин, втихомолку наслаждаясь продукцией Голливуда на закрытых просмотрах, не разрешал своему народу делать то же самое. Но открытки с заокеанскими звездами контрабандой переходили границы. Тени теней синема. Привет Большому террору от Великой депрессии!

Медитируя над открытками, советские девушки подбирали себе личины. Кошечка в кудряшках. Распутница с мордашкой ангела. Чертеночек в юбке. Роковой пупсик. И т. д. Галя была не очень похожа на Джин. Скажем так: напоминала отдаленно. Чересчур курносая по сравнению с оригиналом, она не выщипывала брови в тонкую нитку, а скулы ее выдавали затаившихся в генах татаро-монголов. Однако всё это, по большому счету, мелочи. Главное – мечта.

Снимок сделан в Иванове, городе невест, где названия улиц звучат как призывы к экстремизму. Галя выросла на улице Боевиков, в юности гуляла по Конспиративной и где-то там, в ателье болтливой армянина, потратила первую стипендию, чтобы поразить мир четырьмя копиями своей красоты. На большой тираж не хватило денег. Карточки получили только достойные, зарекомендовавшие себя настойчивостью.

В начале войны руки Галины добивались два летчика и

поэт. Время было такое – летчики превосходили поэтов числом и умением.

Пятого декабря 1942 года ей исполнилось двадцать лет. В этот день на военном аэродроме Иваново приземлилась первая эскадрилья воздушной дивизии «Нормандия». Отличный подарок для студентки филфака.

Парни из «Нормандии» оказались такими нормальными и четкими, хоть влюбляйся в них с первого взгляда. Загорелые, улыбчивые, они светились на зимних улицах, как фонарики. Большое удобство в условиях противовоздушного затемнения.

Не зная ни города, ни языка, французы первым делом освоили дорогу к общежитию пединститута и с удовольствием вокруг него прогуливались. Даже на морозе они пахли одеколоном. При встрече рассыпались в *бон суар* и *анишанте*. О войне говорили насмешливо, словно фашисты – это больные зубы, а вылет на боевое задание – как сходить к доктору и залечить кариес. Не повод откладывать свидание. *Ne se na?*

Свидания назначались. Языковой барьер преодолевали со смехом. Когда высокий летчик представился Гале – *Je t'appelle César, comme Jules César*, – она сначала не поняла, о чем это он, а потом до нее дошло, что у парня такой кураж, вроде мании величия. Но ей понравилось. Скромников она не сильно жаловала. Обсуждая ухажера с подругами, звала его «мой жулик Цезарь». Или просто «мой жулик».

Тридцать первого декабря второго года войны Дом культуры ткацкой фабрики совершенно офранцузился. Кавалеры сплошь шарм и шик. Барышни подпевают Эдит Пиаф. Веет ароматом парфюма, за который Коко Шанель продала душу вермахту.

Орлова танцевала с Цезарем, сладко нашептывающим, что это судьба. Ты – Галина, я – галл. Такое волшебное созвучие не может быть простым совпадением. Гитлер не навсегда. Цезари колотили германцев две тысячи лет, побьют и на этой войне. И – ах, какие у тебя глаза – серые, как небо над Ла-Маншем. Мы с тобой будем жить в свободной Франции. *Anрэ* победы я унаследую семейное дело – рыбную лавку в Дьеппе... Вот это он зря сказал. «*Le poisson?*» – удивилась Галя. – *Jamais!*» Прямо так и ответила: рыба – никогда.

Через неделю после новогоднего бала ей принесли повестку из военкомата. Явиться с вещами. Галя положила в чемодан пудру, книжки, сухари и штуку материи. Прощальный дар советской власти. В октябре сорок первого фашисты подошли к Москве вплотную и чуть не сожгли кремлевскую хату дядюшки Джо. С перепугу он вспомнил молодость и решил населению грабить награбленное. Радио города Иванова, исполняя волю вождя, пригласило всех желающих на склады меланжевой фабрики – мародерствовать вволю, чтобы врагу не досталось. Той осенью сообразительные невесты обзавелась приданым. Отправляясь в дорогу, каждая брала с собой материю на обмен.

По указанному в повестке адресу багровый человек, похожий на заходящее солнце, сидел в прокуренном кабинете. Он зарычал:

– Поедешь в Ташкент. Немцы разбомбили эшелон Московского авиационного института. Нужны новые третьекурсы. Срочно!

– Товарищ военком, – возразила Галя. – Я учусь на филологическом и ничего не смыслю в авиации.

– Зачетку!

Она достала зачетную книжку, уверенная, что недоразумение сейчас разрешится. Военком, не глядя, разорвал ее и

бросил в корзину.

– Паспорт!

«Порвет!» – ужаснулась Галя и опять не угадала. Красномордый запер краснокожую в стол. Выписал и прихлопнул печатью проездной документ.

– На вокзал!

Вечером она села в поезд, медленный, как китайская пытка. Неделю мучительно ползли до Урала, делая одуряюще долгие остановки. Наконец в окно вагона притащился Челябинск, после которого внезапно кончилась Россия. От предгорий Урала повернули в пустоту казахской степи, бесконечно унылой. Редкое перекати-поле докатится до середины Казахстана. Песок скрипел на зубах пассажиров. На земле желтели кости животных, Млечный путь блестел по ночам, как обглоданный позвоночник бога.

Ехали вдоль Млечного пути. Мимо кладбищ, где надгробия похожи на птичьи клетки. Сухари были сгрызены до последней крупинки. Голодающую Галю подкармливала интеллигентная ленинградская еврейская семья. Они ели странное: горох из детских погремушек. Когда вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, эти умные люди отправились по магазинам, скупая целлулоидных попугайчиков, зайчиков и прочую дребедень, для грохота начиненную сухими горошинами. Погремушки потрошили, тем и спасались.

В Ташкенте секретарь приемной комиссии удивленно

спросил:

– Какой дурак отправил к нам гуманитария?

Галя всплакнула. Сквозь слезы и пушистые ресницы она смотрела на мир беспомощным взглядом. Разумеется, секретарь ее пожалел. Выписал талончик на обед и справку о том, что она тут никому не нужна. В чреве Ташкента, на рынке, непонятном, как Вавилон в первый день столпотворения, Галя получила за свою материю мешок риса невиданной красоты. Сто тысяч полупрозрачных зерен с зеленоватым яшмовым отливом. Мешок служил утешением и постелью, когда она трое суток маялась на вокзале, выпрашивая плацкарту.

Наконец повезло. Угодила в поезд, к которому был прицеплен вагон со свирепыми выпускниками артучилища, наводящими ужас, словно печенег. Они жрали водку и с криком, что идут на смерть, тащили в тамбур беззащитных пассажиров. Умная Галя отсыпала проводнику драгоценного риса и, при набегах половцев, пряталась в служебном купе. Через пару дней кредит иссяк, но на станции «Аральское море» Галя познакомилась с офицером из соседнего вагона. Немолодой и бескорыстный, он взял девушку под крыло до конца пути. Дорога стала приятной. Герои-насильники, проспиртованное пушечное мясо, напрасно рвались к Галиным прелестям. Офицер доставал ТТ, предупреждая:

– Стреляю на поражение.

Это действовало. Никто не хотел умирать. Галю не трогали. Трахали других, менее сообразительных.

Она вернулась домой, как будто из кругосветного плаванья. Привезла сарацинское пшено и незабываемый опыт. Дома жизнь тоже не стояла на месте. С Цезарем теперь гуляла Сашка из параллельной группы. Любовники виновато улыбались при встрече. Но Галя, ко всеобщему разочарованию, не захотела устраивать драму. Зачем? Смешно ведь. После Ташкента даже двойная измена (Сашка была подружкой) казалась ей мелочью жизни. Все к лучшему в лучшем из возможных миров.

И кстати, она сдержала данное Цезарю слово, не прикоснувшись к рыбе до конца своих дней. Ни разу.

Откуда это известно? Из надежных источников. Заслуживают ли они доверия? Весьма и весьма. Скажу прямо: я свидетель. Рыбой в доме всегда занимался мой бесконечно трудолюбивый дедушка. Русский, партийный, за границей не был, если не считать Аляски, но об этом потом. Сначала о рыбе. Он ее потрошил, чистил и вдохновенно готовил по книгам. Молоховец, Похлебкин, советская библия о вкусной и здоровой пище, мудрость французской кухни и неведомых народов Магриба. Повар уважал мировую культуру. Спинки минтая он жарил в муке по-крестьянски. Горбушу по-гурмански запекал в пергаменте. Судака тушил на медленном огне, посыпая венгерской паприкой. Щуку фаршировал *à la juive* мякишем белого хлеба. Осетрину варил с пастернаком и двенадцатью горошинами черного перца. Сельдь бальзамировал по особому кремлевскому рецепту. И так всю

жизнь, на протяжении целого полувека их брака. Галина, образец вечной женственности, отвечала за десерт, по праздникам она стряпала «Наполеон» – пропитанные сгущенкой блины, посыпанные какао-порошком «Золотой ярлык». Когда-то это считалось лакомством. Дедушка не мог устоять, терял над собой контроль. У нас в семье все помнят шестьдесят восьмой год, когда он встал ночью, извлек торт из холодильника и умял втихаря, не зажигая света, накануне званого обеда, оставив гостей без сладкого.

Других слабостей за ним не водилось. Не муж, а мечта. Каждый вечер бабушка гладила его по голове в знак признательности. Хотя иногда, под настроение, иронизировала, мол, идеальные мужья не водятся в дикой природе, они результат селекции, упорного мичуринского труда.

Вспоминая подругу, соблазненную предложением руки и лавки от настырного капрала, Галина смеялась:

– Представляю, как пахнут сейчас эти руки!

Другой ухажер был поэтом. Он декламировал стихи громко и торжественно, словно репродуктор на главной улице. Его имя попало в энциклопедию: автор великого текста «Считайте меня коммунистом» и других звонкостей пропаганды, выкованных молотом его таланта. После войны взлетел в генералы литературы, пел эпоху Густых Бровей, заседал в Верховном совете, возглавлял Комитет защиты мира. Да-да, всего мира.

Но в бабушкиной памяти он остался Мишей, только начинающим свой путь в гору, на советский Парнас. Его первый лирический сборник назывался красиво – «Ливень». Чуткие провинциальные барышни трепетали при знакомстве. Поэт с настоящей книгой – это вау! Миша имел кучу поклонниц по переписке, но офлайн ухлестывал за Галей.

Весь такой военный корреспондент, он являлся в общежитие пединститута, чтобы умыкнуть ее из круга подруг. Когда поэт входил, обжигая присутствующих взглядом больших глаз из-под выпуклого лба, девушки замирали, как участники спиритического сеанса, удачно вызвавшие духа. Не снимая шинели, он садился за стол и звенящим голосом читал:

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле

Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

Слушательницы волновались, а завистливый белобилетник Максимов, единственная мужская особь на курсе, называл этот голос «перепихонской трубой».

Тайно влюбленный в Галю, он язвительно осуждал ее увлечение Мишей. Мол, погоди, еще завалит тебя мусором стихов.

Так и случилось. Много лет сочинения поэта стыдливо прятались во втором ряду шкафа бабушкиной библиотеки. Там же, от греха подальше, стоял Иван Денисович, за одним днем которого отправившись я нечаянно встретил сиреневую книжку ивановского классика с дарственной надписью «Галочке – Музе». Забыл, как назывался сборник. Помню, что ржал над ним глумливо, как гуннский конь, и спровоцировал музу на признание. История, конечно, была с купюрами. Адаптация для детей и юношества. Но суть я уловил. Романа не вышло из-за шинели.

Откровение накрыло Галину в жестком вагоне поезда Иваново – Москва.

Представим себе этот жесткий вагон: тяжелый дух табака и сала, пространство, заполненное острыми углами чемоданов, локтей, колен. Миша и Галя в обнимку примостились

на боковой полке. Он едет в командировку, она к родственникам, ускользнув из-под опеки строгой матери, директора школы с наганом на поясе, как всегда носят коммунисты в тяжелое время.

Поезд движется нудно и трудно, с частыми остановками. Фронт уходит на Запад, но люфтваффе еще хулиганит, поэтому окна вагона светозамаскированы тряпками. Темнота, в которой совершается путешествие, – это фигура умолчания о том, чем заняты наши герои.

Поэт снимает шинель: ложись, ты устала. Его спутница с наслаждением вытягивается на нежной, как шелк, изнанке. Вагон качает. Очень приятно скользить вот так, на спине, в темноте, забывая о времени и о себе. Но что-то томит и смущает, почему-то кажется странной прохладная обволакивающая нежность. Думай-думай, стучат колеса, чувства – шелк, мысль – сталь. Думай-думай. Стоп! Поезд резко тормозит. Что-то случилось. На железной дороге во время войны постоянно что-то случается. Резкое торможение приводит к падению людей и вещей с первых, вторых и третьих полок.

Внезапно очутившись на полу, покрытом некультурным слоем окурков, Галя осознает причину своей тревоги. Изнанка шинели. Это же настоящий шелк! Вот что подсаживает на измену. Шинель маскирует внутренний мир хитреца, ласкающего себя под грубым ворсом. В нежных материях ивановские девушки разбираются не хуже лионских ткачей.

Затихает визг потревоженных. Руки поэта ощупью находят выпавшую из гнезда Галю и возвращают на место. Движение возобновляется. Ритмичная вагонная качка расслабляет. Девушка ловит сигналы из космоса, которые превращаются в картинки ее будущей жизни «за Мишей», позади него, в тени таланта или в ярком, но не греющем свете поэтического Я.

Перед тем как провалиться в сон, Галя принимает окончательное решение. Для сюжета не важно, что история могла происходить в другом месте, на сеновале в колхозе или за кулисами народного театра, когда разошелся драмкружок. Какая разница, где лежала шинель? Важна только эта, знаменательная деталь.

В Москве он позвонил на квартиру Галиных родственников, звал гулять по бульварам. Галя соврала, что дежурит у постели больной тети. Объяснять было нечего. Поэт все равно бы не понял.

В терминах войны отставка действующего жениха равна потере целой дивизии. Тактически это поражение. С другой стороны, избыток поклонников затрудняет девушке оборону и грозит прорывом фронта на любом участке.

Пускай стихотворец идет лесом, решила Галя, чувствуя потребность разобраться в своих чувствах.

Она сидела на подоконнике с тарелкой невкусной, неинтересной остывающей каши. За окном темнела площадь Калужской заставы, откуда было рукой подать до Нескучного сада, а там – вот сюрприз! – играет музыка. Легкомысленная мелодия летит со стороны Москвы-реки. Соблазн. Джаз.

Он зовет забыть о комендантском часе, уйти из дома, перебежать дорогу своей судьбы и увидеть небо в алмазах. На минутку Галя пожалела о том, что отшила поэта, который мог бы прикрыть ее во время прогулки своими красными военкорочками. Но сделанного не вернешь, а любопытство побеждает страх ночных патрулей и проверки документов.

Накинув на плечи кофту, с туфлями в руках, она пробирается темным коридором мимо комнаты тети, которая и вправду нездорова, но Галя чихать на это хотела. Мало ли на свете больных и скучных теток?

Бесшумно открывает дверь, выскальзывает в подъезд, как кошка. Идет вниз босиком, боясь наступать на себя каблуч-

ками бдительным соседям. И вот наконец: улица, свобода, приключение. Дура ты, шепчет она, вляпаешься. И улыбается, довольная тем, что не чувствует страха.

Ветер сдувает облако над крышей. А там розовая луна, как воспаленный глаз. В весеннюю сессию Галя заимела себе такой же, когда до утра читала Герберта Уэллса, чтобы отдохнуть от Максима Горького. И вот сама попала в «Войну миров». Крестами заклеенные темные окна зданий. Мертвые тушки аэростатов в небе. Страшный свет фары трехногой машины, притаившейся позади дома. В кабине копошится марсианин, ловец человеков, осьминог с огромным лбом и большими глазами, поджидающий жертву.

Пугая себя, Галя бежит в сторону Нескучного сада. Там, под деревьями, можно стать незаметной для треножника.

Но чем дальше от дома, тем тяжелее детская мысль: вляпалась. Тягучее пространство, как горячий асфальт, затрудняет движение. По спине ползет противный муравей тревоги. Из-за спины доносится звук мотора. Боковым зрением Галя видит черный блеск автомобильного крыла и переходит с бега на шаг, чтобы отдышаться и не выглядеть запыхавшейся уродкой. Машина тоже замедляет ход и, мурлыкая двигателем, плетется за девушкой вдоль обочины.

Она делает вид, что ничего не замечает. Идет равнодушной походкой. Лишь бы достичь калитки и нырнуть во тьму сада. Если там заперто, остановиться и заговорить первой. Четкий план в голове успокаивает нервы, помогает держать

дистанцию с миром. Но тут опускается стекло в задней двери машины и раздается негромкий мужской голос:

– *Quo vadis?*

– Ого! Латынь во время войны. Что бы это могло значить?

Шпионаж или проверка на вшивость?

Не поворачивая головы, она отвечает:

– Просто гуляю.

Голос удовлетворенно произносит:

– Так я и думал. Студентка.

Галя продолжает идти, считая метры, оставшиеся до ка-литки.

– Да не спеши! Там закрыто, – предупреждает голос.

План побега, который известен противнику, не годится к исполнению. Опять же, смерть как хочется узнать, что за древний римлянин катается тут по ночам. Галя обернулась, прищуром наводя на резкость близорукие глаза. Автомобиль встал как вкопанный. Дисциплинированный профиль шофера не шелохнулся в сторону девушки. Зато чей-то силуэт на заднем сиденье внимательно поблескивал стеклышками в очках, а может, пенсне. На плечах погоны, офицерская новинка этой весны. В сорок третьем командный состав Красной армии соскочил с ромбиков на звездочки. Преследователь Гали носил звезды немаленькие. Возможно, даже первой величины.

– Вы генерал? – спросила Галя у силуэта.

– Генерал, – ответил силуэт.

– Каких войск?

– Самых важных.

– Я не знаю, какие у нас самые важные.

– Главное, что я знаю. Ты не местная. – Она кивнула, хотя это был не вопрос, а утверждение. – Владимирская?

– Ивановская.

– Не может быть.

– Почему?

– Поговору слышу. Где родилась?

– В Юрьеве-Польском.

– А говоришь, не владимирская. Географии не знаешь. Хотя зачем тебе. Ты гуманитарий.

– Как вы догадались?

В ответ ее собеседник зевнул. Как будто видел людей насквозь и не находил у них внутри ничего интересного. От него веяло древней скукой, словно от мумии в Эрмитаже. Страх улетучился из головы Гали. Любопытно стало узнать, хотят ли чего-нибудь старые мужчины с золотыми звездами на плечах. Чуждо им человеческое или не совсем чуждо? Момент, чтобы спросить, был самый подходящий. Набравшись духу, она задала вопрос.

– Лично я, – признался генерал, – хочу шоколада.

– Я тоже. Но где его взять?

– У меня есть. Садись, погрызем.

Галя подумала: а) никак нельзя отклонить такое приглашение; б) очень умно хотеть то, что имеешь. И забралась

в машину, где пахло кожей и табаком. Сидящий посреди-
не автомобильного диванчика человек ни на йоту не подви-
нулся при ее появлении. Ни туда, ни сюда. У него было ма-
ленькое гладкобритое лицо, тонкие губы, круглые золотые
очки на остром носу. Если честно, при ближайшем рассмот-
рении внешность пассажира показалась Гале куда менее ин-
тересной, чем внутренность машины. Шикарная лакирован-
ная панель с дверцами и квадратным окном отделяла гене-
ральскую часть салона от водительского места. Однако долго
вертеть головой было неприлично. Девушка представилась:

– Я Галина.

– Молодец. Открой ящик.

На панели их было несколько. Галя наугад потянула дере-
вянную ручку – прямо на нее выехал черный телефон без
диска.

– Не эта. Рядом.

В соседнем отделении лежала коробка сигар и несколько
толстых плиток в красной бумаге с колючими готическими
буквами.

– Немецкий?

– Открывай, не бойся.

Она развернула обертку шоколадки и вежливо предложи-
ла хозяину угощаться первым. Наконец-то он шевельнулся.
Маленькая белая рука поднялась с колена, как ночная бабоч-
ка, живущая сама по себе, отщипнула кусочек фашистского
лакомства, поднесла ко рту, вернулась на место. Генерал со-

сал шоколад с каменным лицом, не дрогнув ни одним мускулом. Галя подумала: а что, если он и вправду мумия, просто в форме и с личным шофером? Говорят ведь, что фараоны иногда оживают в музеях. Ходят же слухи, что Сталин по ночам ходит в Мавзолей и советуется с Лениным, как побороть Гитлера.

Странное лезет на ум в генеральском авто. Увлеченная странным, девушка забыла о приличиях и незаметно для себя откусила прямо от плитки. Удивительный двойственный вкус! Горечь ударяет в нёбо, сладость ласкает язык. Видимо, из-за того, что она давно не ела таких замечательных вещей, все тело, как электрический разряд, пронзила нечаянная радость. Галя облизнула губы. Еще раз, еще – и не могла остановиться. Это было чувствительно, как в первый раз целоваться с усатым или пить газировку на жаре. Что-то непонятное приятно щекотало верхнюю губу. Она сидела и облизывалась. Генерал смотрел на нее, углы его рта приподнялись, чуть-чуть, самую малость.

– М-м, – сказала Галя. – Как вкусно. Давайте поедем к реке. Я слышала там музыку. Вы представляете? Наверное, с корабля. В Иванове нет ничего подобного. Ни музыки, ни кораблей, только бандиты. Они изнасиловали Егоренкову, мою подругу. Прямо на улице. Теперь она плачет и хочет умереть, а я ей говорю: Вера, в Иванове нет ни музыки, ни кораблей, ни красивых гробов. Вообще никаких гробов. Придется хоронить тебя в цветочном горшке.

– Это смешно. Продолжай.

– Товарищ генерал, я не могу об этом думать. Мысли сводят с ума. Я боюсь одиночества.

– Одиночество – плохая компания.

– Да. Проведешь в ней вечер – и жить не хочется. Особенно в темноте, когда свет отключат за перерасход счетчика. Вы генерал, вам не бывает одиноко.

– Бывает.

– Не может быть! У вас под командованием армия людей. Молодые бойцы. Вы прикажете им атаковать противника – и они как побегут – за Родину! – вперед.

– Мои бойцы не бегают за Родину.

– А что они делают? Летают, плавают?

– Они читают, сидя за столами.

– Ух ты! Надо же! Армия читателей. – Галя живо представила шеренги солдат с книжками под мышками. – Вы не поверите, но я догадалась. Вы – военный цензор.

– Военная сейчас обстановка. А я просто цензор, – ответил генерал. – Как Никитенко, Тютчев и Кукольник.

– Я знаю, знаю. Мы их проходили на третьем курсе. Вы тоже пишете красивые стихи?

– Терпеть не могу. Ешь шоколад.

– А вы?

– Мне хватит.

Осмелев, Галя отломилла изрядный кусок и с наслаждением обсасывала, пока он не превратился в маленькую корич-

невую каплю на подушечке большого пальца.

– Ах, как было бы хорошо, если бы родинки делали из шоколада. – пошутила она и улыбнулась широко-широко, стараясь заполнить улыбкой автомобиль, чтобы внутри не осталось места для грусти. – А я знаете, что думаю? Я бы сейчас совершила какой-нибудь подвиг. Выиграла бы войну или сделала вас счастливым. Это можно?

– Можно, – ответил генерал, показывая маленькие зубы.

– Как?

– Очень просто. Ты понесешь меня на руках.

Галя чуть не задохнулась, едва веря своему счастью. Понести генерала – какой восторг! Да ведь это самое лучшее дело, которое можно придумать военной московской ночью.

– Вы не шутите?! – она прижала руки к горлу, чтобы не выскочило сердце. – Вы правда разрешите мне? Я смогу! Вы не смотрите, что я бледная. На самом деле я сильная как танк. Бууу-бууу, – загудела она, изображая мотор.

Генерал молчал, и это было золото, доставшееся бедной девушке в награду за смелость. Галя, наверное, смогла бы, не кривя душой, полюбить это молчание. Слушать его, раздувая ноздри, чтобы не выпустить из горла зреющий стон.

Но генерал, хоть и седой, оказался нетерпелив как мальчик. Рукой-мотыльком он указал на телефон. Расторопная Галя подала ему трубку, в которую важный пассажир уронил одно-единственное, но прекрасное слово: Иван. Сейчас же водитель выскочил со своего места, распахнул заднюю дверь

и, наклонившись внутрь, словно экскаватор, обеими руками зачерпнул генерала.

– Понимаешь, что делать? – спросил Галя генерал.

Она поняла. Взволнованная, вышла из машины, встала перед Иваном и вытянула вперед руки. Водитель молча передал ей тело, оказавшееся таким легким, словно никого и не было внутри шинели.

– Вам удобно? – спросила Галя.

– Вполне, – кивнул генерал. – А теперь иди вперед и постарайся усыпить мою бдительность.

Они гуляли до рассвета. По Нескучному саду, который для них открыл невеселый сторож. По набережной – до Воробьевых гор и обратно. Воробьи чирикали патриотично. Иван с руки кормил Галя шоколадом. Чистая радость переполняла девушку, заставляя чеканить шаг, как на параде. Это было прекрасно. Москва-река, леденцовые звезды Кремля, нежное личико маленького генерала, который все на свете знает, прочитав письма советских людей, воюющих за счастье народа, за Сталина и легкое платье Гали.

Теперь она знала, как писать курсовую по роману «Мать». Ниловна – завод материнского счастья. Павел оплодотворяет ее революционными лозунгами. Забастовка – сперматозоид коммунизма в капиталистической матке. Любовь матери и сына – это гармония темного прошлого и светлого будущего.

Галя озвучила свои мысли, и генерал у нее на ручках согласился, что именно так будет правильно. Обещал, убаю-

канный, что цензура пропустит ее работу слово в слово.

Взволнованная девушка чувствовала, как это здорово — пропускать через себя все хорошее, что есть в языке. Великий, могучий, потный от напряжения пишущих людей, он входит в цензуру немытым и грязным. Приходится его скоблить, уделяя внимание каждой мелочи вроде холерных бактерий, которые прикидываются пустяком в микроскопе, но становятся эпидемией, когда попадают в открытый водоем.

На такой работе ошибка хуже предательства. Нельзя ее допустить. Лучше перестраховаться, пройтись инструментом по странным местам, чтобы язык вышел на свет чистым и поучительным, как заспиртованный эмбрион...

– Это мухоморы, – сказала тетя.

– Что? – прошептала Галя.

Минувшая ночь осталась в памяти как провал. Сердце-пулемет расстреливало голову рваными очередями. Тошнота поднималась из нехорошей глубины, словно из канализации.

Тетя Поля принесла тазик для рвоты, воду в банке, тряпку на лоб. Суежилась и объясняла, что это не ее вина:

– Свояченица с Вологодчины присылает. Северные мухоморы – злые.

– Ты о чем, тетушка?

– Я их переложила из банки на тарелку. Они целый день были на тарелке, а ты, видно, плохо помыла, вот и пожалуйста.

– Ой, пожалуйста, уйди.

– Уйду скоро. Дождетесь.

Обидчивая, как все виноватые люди. Или виноватая, как все обидчивые. С укоризной закрыла дверь. Уныло зашаркала тапками. Раньше она не была такой кислой. В детстве Галя помнила тетю хорошенькой и веселой, но это прошло, когда дядю Васю убили в Большом театре *те трое*. Точнее, начали в Большом, а закончили известно где.

Красавец-мужчина, франт и скандалист, дядя Вася много о себе думал и сразу начинал выступать, чуть что было не по

нему. Выступление у театральной вешалки после «Лебединого озера» в тридцать девятом году закончилось для него очень печально.

Закончился балет, опустили занавес, народ поспешил в гардероб. Русская народная традиция требует убегать отовсюду как можно скорее, максимально суется, панически создавая ходынку на ровном месте.

Те трое хотели взять шинели без очереди. Всякий бы согласился, что они право имеют. Но только не дядя Вася, который стоял первым и уже протягивал номерки через бархатный барьер. Как после этого не верить в приметы? Номерок-то у него был тринадцатый! Холуй-гардеробщик, понятно, кинулся обслуживать *тех троих*, однако дядя поймал его за рукав куртки:

– Моя очередь, любезный!

Те трое переглянулись. Любезный тихо сомлел под вешалкой. Тетя Поля двумя пальцами робко потянула мужа прочь от опасности, но он уперся как бык, и даже стукнул кулаком по барьеру:

– Моя очередь!

Они велели ему заткнуться. С тем же успехом можно было плеснуть керосину в вечный огонь. Красная шторка гнева в мозгу дяди Васи заслонила от него объективную реальность. Он выставил грудь вперед и обозвал *тех троих* нехорошими словами. Представляю, как безмолвствовал во время этой сцены народ. Люди забыли дышать. А *тем троим* пришлось

реагировать. Они были вынуждены. А как же? Офицерская честь! Дяде дали под дых, заломили руки. Потащили наружу, мимо оцепеневшего капельдинера, у которого с груди, в последнем припадке сопротивления, дядя сорвал золоченую пуговицу с изображением лиры Аполлона.

Перед тем как запихнуть Василия в багажник, его ударили дверцей машины по лицу. Выбили из головы дурь вместе с зубами. Раздраженные перспективой сверхурочной работы, *те трое* не заметили, что с ноги клиента свалился хороший крокодиловый ботинок. Тетя его потом подобрала, когда воронок, разогнав пешеходов клаксоном, выскочил на проспект Маркса и умчался к Лубянке. Полина думала, что ботинок еще может пригодиться Василию. Но на другой день ей позвонили *оттуда*, чтобы забрала тело.

История несчастного В.В.Ражева (1905–1939), услышанная от бабушки в нежном возрасте, надолго отбила у меня желание бывать в театре. Как мог, я уклонялся от школьных культпоходов. Только достигнув зрелости, осознал, что театральный невроз сродни аэрофобии и лечится теми же средствами. С тех пор не посещаю храм Мельпомены трезвым. Пафосный бархат театральных лож и портьер источает опасность.

Кстати, в тот вечер Полина и Василий смотрели не простое «Лебединое озеро», а улучшенное. В новом прочтении, четвертый акт балета (Зигфрид кидает в озеро корону Одет-

ты) символизирует революцию. Поэтому либретто переписали, заменив трагическую развязку оптимистическим финалом. Любовники остаются в живых. Озеро становится колхозным прудом. Лебеди танцуют по его берегам с намеком на грядущую коллективизацию.

«Я здорово была больна. Дело вот в чем. Тете понадобилась банка, в которой у меня было масло. Она взяла тарелку, на которой у нее лежали мухоморы, сполоснула ее в холодной воде и положила на нее масло. Я помазала кашу, поела и через час меня стало рвать и рвало два дня, страшно болит голова, отчаянная слабость. Эта негодяйка меня просто отравила».

Так она жаловалась хорошему парню, летчику Диме, на пути из Москвы в город Энгельс.

Поехала с поэтом, одновременно писала летчику – это нормально. Девушке нужен запасной аэродром. Молодой человек всегда может оказаться не тем, за кого себя выдает. Грибная версия бэд-трипа звучит убедительнее, чем наркотический дойче шоколад. Конечно, арийские химики чего только не подмешивали в сладкую плитку героя-танкиста. Героин, амфетамины, кокс. Сказки все до одной навеяны наркотиками: мескалин, опиум, пирожки Красной Шапочки. Но в нашей истории тетя вероятнее генерала. Больные женщины действительно сушат мухоморы. Народная медицина уважает яды земли. Все это очень похоже на правду.

Вопрос в другом: какова была истинная цель поездки в столицу. За какими песнями? Предыдущее письмо хорошему парню Диме, отправленное из Иванова месяцем раньше,

содержит некоторые намеки:

«Я устала от этой жизни, которой живу. Она очень сурова. Не знаю, сколько времени я смогу ее выносить, особенно когда рядом соблазн совсем другой жизни. Окончание института мне ничего не принесет, кроме отправки в медвежий угол, на холод и голод».

В молодости остро чувствуешь, что для выживания на этом свете нужна большая любовь или хорошая работа. Кажется, хитрый Миша-поэт соблазнял девушку перспективой протекции. Он был ценным кадром Информбюро. На страницах армейских многотиражек выступал как ефрейтор Минометов, с боевыми виршами:

Вася наш работал четко,
Очередь по финнам дал,
мылом давится капрал,
а ефрейтор – щеткой.

В басне «Как Вася Теркин „умыл“ белофиннов» описан подвиг снайпера, из засады расстрелявшего врагов, которые беспечно умывались в лесу. За эти стихи автора приняли в Союз писателей как родного. Так что «Ефрейтор Минометов» к середине войны уже имел знакомства в нужных кругах.

Галя училась на последнем курсе своего провинциального педа, с ужасом и тоской представляя распределение в деревню, где едят траву и гнилую картошку. А тут такая заману-

ха – в Москву, в Главлит. Любая выпускница продаст за это душу. Что, собственно, и было условием трудоустройства.

Туда берут не каждого, рассказывал поэт, гуляя с Галей вокруг Чистых прудов; сама понимаешь, время такое, все хотят отличиться.

Он таки добился своего, настойчивый, вытащил девушку из дома, как только ей полегчало.

Покажи себя на собеседовании, поучал поэт, неважно, что ты будешь говорить, главное – как. Словам никто не верит, но все ценят уверенность в словах. Ты меня запутываешь, смеялась Галя. Я голову сломаю. Голову с собой не бери, шутил Миша, только лицо. Им нужны плоские девушки? Сама увидишь, кто им нужен.

Они остановились у трехэтажного здания Наркомпроса.

Это здесь, объяснил поэт. Рассказываю: тебя приведут в комнату с плотными коричневыми шторами. Что в ней такого? Ничего, только стул и стол. Пока сидишь и ждешь, открывается первая тайна ремесла: за шторами удобно душить. Ой, кажется, мне уже страшно! Так и должно быть. Через какое-то время войдет человек без руки, пустой рукав френча заправлен за ремень. На груди орден «Красного знамени». Он – легенда. Как его зовут? Не знаю, захочет ли он представляться, поэт усмехнулся, руки точно не подаст. Руку он потерял на Гражданской войне, читая письма Чапаева в штабе 25-й стрелковой дивизии, в особом отделе,

когда
Василий Иванович,
внезапно появившись на пороге,
разгневался, увидев свои письма
у нашего товарища в руках,
и шашкою своею легендарной
его укоротил.

Миша, что-то мне совсем жутко! Да, это опасная работа, но сразу тебя не отправят на передовую информвойны. На первых порах ты будешь ловить смысловых блох в газетной шерсти. Ну, знаешь, типа «Докладчик привел слона Гавнокомандующего». Блохи раскрывают контрреволюционную суть опечаток. Контрреволюция – это бессмыслица, и мы с ней боремся. Ты всё поняла? Ага, наверное, не знаю. Ты молодец! Не подведи меня. Вперед!

Обменявшись с девушкой дружеским рукопожатием, поэт направился в сторону Покровских ворот. Он уходил, не оглядываясь, широким шагом, как вестник прогресса.

Галя размышляет над его словами. До чего здорово придумано: невеста в Главлите! Спать с цензором – мечта поэта. Умом она, конечно, за. Но есть ли в ней готовность стать плотью Мишиной мечты? Частью этого замечательного плана?

Она поставила ногу на нижнюю ступень наркомпросовского крыльца. Еще один шаг – и дороги назад не будет, комиссариат просвещения притянет ее, как магнит железную стружку. Ох уж этот мучительный нравственный вы-

бор! Туда или сюда? Вверх или вниз? Выбирать тяжело, но еще тяжелее топтаться на месте, когда мимо тебя с серьезными лицами пробегают целеустремленные граждане, живущие внутри раз и навсегда принятого решения. Молодая сотрудница выходит из дверей учреждения с товарищем ответственного вида, говорит на ходу, что необходимо давать оценку каждому выявленному факту. Высокая прическа делает ее старше на десять лет. Она вся в будущем. Ясность, уверенность, правильная речь, словно текст, отпечатанный профессиональной машинисткой, без единой ошибки, с ровными интервалами. Сотрудница и товарищ садятся в блестящую черную машину. Быстро, умело, не пачкая пальцев, не оставляя следов, машинистка заправляет в каретку новую ленту. До таких высот тебе далеко. Ты ученица, тук-тук одним пальцем кривоватые строчки. А сколько в каждой помарок! Надо учиться, учиться и еще раз учиться. Забыть о своем эгоизме, влиться в коллектив, следовать инструкциям, проявлять инициативу, но в то же время не превышать должностных полномочий.

Неделей раньше Галя с легкостью взойшла бы по этой лестнице, с радостью запрыгнула бы в социальный лифт и вознеслась. Но вмешались мухоморы, мудрые внеклассовые грибы, в легкой, доступной форме показавшие девушке, почему маленькому человеку лучше держаться подальше от больших людей. Слава мухоморам!

К тому же она его все-таки не очень любила, этого Мишу.

Да и он ее, кажется, тоже, если честно.

Отличная новость для хорошего парня, летчика Димы, занимающего в сердце Гали все больше места. Летчик, наверное, был на седьмом небе, когда получил это письмо:

«Вчера я рассталась со своим другом. Рассталась потому, что он понял наконец, что он мне не нужен. Он просто развел руками. Нет, мало в мужчинах силы или любви. Ты ведь не такой, мой милый? Конечно, нет. Если бы я была мужчиной и любила, то, черт возьми, девушка была бы моей. Хочу, чтобы этим сильным был ты. Не отдавай меня никому. Ведь я девушка и пассивна поэтому».

Последняя фраза – чистое кокетство. Пассивности в ней было примерно как в дюжине игристого. Когда она злилась, на электрошитке вышибало пробки. И это не метафора, а бытовая проблема. Мария Васильевна постоянно ругала дочь за домашние блэкауты.

Галя терпеть не могла повышения тона. От критики у нее болела голова. Вряд ли прощание с поэтом было сценой у фонтана. Скорее всего, Галя просто дождалась, когда Миша станет точкой в перспективе бульвара, и шустро дунула на угол Чистых прудов и улицы Кирова, к телеграфу. Взяла бланк, обмакнула железное перо в бакелитовую чернильницу и, выдохнув сомнения, написала в адресной строке «Энгельс 1 ШМА 33», а в поле текста «ЕДУ ТЕБЕ ТЧК ЖДИ ВСКЛ ГАЛЯ». Выстояла очередь, оплатила слова, выбежала

на улицу, нырнула в метро.

– Тетя Поля! Я уезжаю в Энгельс. Одолжи, пожалуйста, денег! – закричала она, как только тетя открыла дверь.

– Денег?

Лицо родственницы было сонным, как пыльное зеркало. Полина собиралась долго думать и задавать медленные вопросы. Галя сграбастала тетю в охапку и, покрывая поцелуями ее вялые щеки, со смехом повторяла: уезжаю! уезжаю!

Через полчаса она вышла из подъезда с чемоданом. Улыбнулась солнцу и аэростатам ПВО в голубом небе. Подумала: до чего хорошо, когда есть деньги и нет сомнений, и насколько хуже, когда наоборот.

В трамвае, по дороге на Павелецкий вокзал, повторяла про себя любимое, еще довоенное, сорокового года, письмо от Димы:

«После хорошо проведенного с тобой дня мне море по колено – хорошо и светло. А когда ты мной недовольна – плохо. Повторяю, что всё будет зависеть только от тебя.

Я люблю больше всего свободу! Поэтому буду учиться, буду творить. Тебе еще придется писать в газету об архитекторе. Заранее обещаю тебе первое интервью. Согласна? Миленькая! Маленькая! За меня не беспокойся, я попал в обеденный перерыв у бога: до того, как я вышел от тебя, шел дождь, и только я вошел в казарму – пошел дождь. Это ты меня заколдовала».

Немного обидно, что забылись подробности этого хорошего дня. А ведь прошло всего три года. Что же дальше будет? Через тридцать лет? Страшно представить. Неужели останутся только слова на бумаге? Как это было? Лето, дождь, целовались, жадно пили быстрое время, пузырьки ло-

пались на поверхности лужи, громко тикал будильник. Время кончилось, как всегда, не вовремя, стрелки показывали без десяти, он убежал за десять минут до конца увольнительной, она колдовала, чтобы он не опоздал, удаляясь, цокали его сапоги-скороходы. На бегу он искал слова, которые записал, вернувшись в казарму, и навсегда сохранил этот дождливый день во вселенной письма. Бог, явившись с обеденного перерыва, обнаружил во вселенной новый объект и покачал головой. Люди, люди, зачем вам бессмертие? Знали бы вы... эх! Зевнул и прилег отдохнуть. Над головой нависла тусклая бляха *контролер*. Галя предъявила студенческий. Чего такая довольная? Хочу родить ребенка хорошему парню. Нашла время! Точно, тетенька, вы правы – нашла. Это будущее время. Его много. Нам хватит до конца жизни, до скончания века. Остановку не проедь, дурочка. Ну да, глупая, ну и что? Вот Миша – умный. У него книги, стихи, заседания поэтической секции, советское информбюро. Он живет на Марсе, это красная планета, очень далеко от людей, около абсолютного нуля. Другое дело – Дима, который пишет теплые письма и строит воздушные замки. Но когда будет надо, он встанет на ноги. У них будет двое детей, мальчик и девочка. А жить они будут где угодно, кроме Иванова. Она еще не представляет, где они будут жить. «В Сибири», – подсказали изнутри мухоморы. «Почему в Сибири?» – удивилась Галя. Так надо, ответили мудрые внеклассовые грибы. Да? Ну и ладно! Это звучит романтично. На севере диком,

в стране мехов, можно круглый год носить шкурки животных. У нее будет три шубки. Обезьянья белая, вроде той, что дедушка подарил на двенадцатилетие, продав корову, которую хотели забрать в колхоз, еще – голубая шубка из песка, а третья будет – горноста́й. Она их никогда не видела, но какое чудесное слово! Так приятно перебирать воображаемый гардероб, что даже неловко за себя перед своими паспортными данными. Через три месяца и три недели ей стукнет двадцать один год. Пора быть серьезной. Не выскакивать из метро вприпрыжку, размахивая чемоданом, вспоминая, как били фонтаны на площади, как было весело, идя на поезд или встречая кого-нибудь, на бегу зачерпнуть с поверхности воды пену и подбросить в воздух, чтобы радужные пузырьки разлетелись брызгами. Взрослые ругались и требовали вести себя прилично. Они никогда не говорили ничего другого. Приходилось вести себя прилично, вести себя за руку, с ненавистью к этой хорошей девочке, думая: вырасту и убью ее! И взрослых тоже, и тогда буду делать, что захочу! Ну вот, пожалуйста, выросла, но момент упущен, в небе невесело, фонтаны на военном положении, обезвожены, заплеваны прохожими, серые одинаковые лица, головы в кепках втянуты в плечи, молчаливая толпа, улица безъязыкая, словно марсиане нарядились людьми, а человеческий язык не выучили. Поэтому бегут молча. Куда они в такой спешке несут эти лица? Наверное, в утильсырьё, сдавать на вес, по три копейки за килограмм.

Возле кассы она подстрелила глазками офицера и раздобыла билет. Но не пожелала тратить время на болтовню с благодетелем и отправила его в Тамбов на отходящем через пять минут поезде. Удивительно, как все меняется от одного усилия воли. Только что была покорная, готовая залезть в гадюшник и пресмыкаться, боясь, как бы не выгнали. Бр-р! А потом вдруг щелк – и делаешь что хочешь, и все у тебя получается.

Галя сидела на дубовой скамье в зале ожидания, улыбаясь, как кинозвезда, и чем дальше, тем глупее становились ее приятные мысли.

В этот сладкий момент на нее спикировала бледная женщина-моль из ближнего Подмосковья, одетая в синий восточный халат на вате и серую шаль в дырках, которые сама, наверное, и прогрызла. Моль промышляла на вокзале разводкой дурочек, разлученных с бой-френдами войной, витающих в облаках, как легкая добыча. Она садилась рядом, причитая:

– Устала я, доченька, намоталась по военкоматам, сыночка-то у меня убили, а справку не дают. Горько мне, отдохну с тобой рядышком, красавица, солнышко.

Изображала расстройство чувств, сморкалась в шаль, утирала слезы. Девицы хорошо клевали – делились собственным горем. У кого тогда не было потерь? Моль выслушивала их истории и переключалась в режим гадалки-ведуньи,

предсказывая возвращение любимых из страны мертвых. За такое редкая сволочь не даст денег.

Тем, кто еще никого из близких не потерял на фронте, Моль рекомендовала сильнодействующую икону в отдаленной церкви. «Сама больная тогда была ногами и туда не смогла поехать да помолиться, а теперь волосья рву, да что толку, поздно – сыночка-то не вернешь!» Под этот жалостный рэп отлично шел сбор на свечи для «матушки-заступницы».

Моль была довольна собой и тем, как хорошо она устроилась. Только по ночам ей не давали мирно спать убитые солдаты. Являлись и мучили страшным видом. Приходилось, с утра проснувшись, брать из колодца воду и нырять лицом в ведро, чтобы застудить покойников. Но они все равно чувствовали себя как дома у нее в голове. Некоторые даже пытались командовать, кто постарше годами и званием. Говорили: иди, женщина, по такому-то адресу и скажи, что я всем кланяюсь, хотя не могу писать по причине временной бестелесности, но пусть они там не отчаиваются и ждут воскресения, о котором здесь имеются точные данные. Ага, отвечала Моль, разбежалась бесплатно изнашивать обувь. А что, если по вашему адресу никого нет? Или там проживают другие, которые дадут шиш вместо денег? Да ладно, женщина, не жмись, уговаривали ее потусторонние мужчины, тебе самой недолго осталось скакать на поверхности. Сделай под конец доброе! Нет и еще раз нет, кукиш вам с маслом, увольте, такие заказы она не брала. Сидела на привычном месте

в зале ожидания и проливала крокодиловы слезы. А могла стать народным телепатом, связующим тыл с фронтом, как Ефим Честняков из Кологрива и другие известные мистики-бессребреники. Но жадность сгубила талант. Моль не верила в свои способности, думая, что просто дурачит людей. Они ведь все одинаковые, у всех душа болит.

Галя была ранена с позапрошлого года, с тех пор, как пропал без вести в воздушном бою над Смоленском ее старший брат. Моль раскорябала эту болячку буквально за пару минут. И увидела свет. Как будто прожектор хлестнул по ночному полю на краю леса. В круге света чернявый кудрявый парень дергался, как кукла на ниточках. Галя быстро догадалась, что имеются в виду стропы парашюта, на котором брат спустился с опасного неба.

– Крепкие у него слова, – морщилась Моль, втягивая голову в плечи. – Уши закладывает.

– Что он говорит?

– А ничего не говорит. Матерится... Хотя погоди, погоди, кажется, слышу...

– Что? Ну!..

– Моль выдержала паузу и развела руками:

– Трудно понять, доченька. Болезнь у меня – воспаление среднего уха. Не имею возможности отоварить предписанную фельдшером мазь, потому как живу без пенсии.

Она работала на результат, грубо, как настоящий профи, с неслыханной простотой вытряхивая из людей последнее.

Кошельки глупых девочек раскрывали рты, как волшебные китайские жабы. Щелк-щелк. Когда Галя дала ей на мазь, Моль наострила среднее ухо, прислушалась и доложила:

– Кричит он странное, будто воет песню. Повторяет одно и то же: ветер голого принес.

Эффект от фонаря придуманных слов оказался неожиданно сильным. Галя заревела в три ручья:

– Витя, прости меня! Какая же я плохая! Совсем про тебя забыла. Ты не сердись, пожалуйста! Когда немцев прогонят, я поеду в Смоленск, буду тебя искать. Все перекопаю, честное слово! Вы мне только скажите, – попросила она, – где он лежит? У меня еще есть деньги. Вот.

Деньги – это само собой. Моль взяла. Приложила бумажки к сердцу и почувствовала вдохновение. Заглянув в доверчивые серые глаза девушки, прошептала:

– Нету его в земле. – Подумала, что бы еще добавить для удовольствия клиента, ткнула пальцем Гале в живот: – Здесь найдешь.

Уфф! Обмякла мешком, тяжело дыша, обмахиваясь шалью. Сеанс закончен. Нехорошо внутри. Как будто холодный камень на сердце.

Тут носильщики прокричали отправление саратовского поезда. Засуетился народ. Галя, вся в слезах, поднялась со скамьи и пошла к выходу на перрон, забыв попрощаться.

И слава богу! Гадалке уже не до разговоров, язык на плече. Она думает: завтра никакой работы! Не могу каждый

день мурыжиться с мертвецами! У самой ноги дрожат, чашки коленные дребезжат. Пора домой, напиться чайку – и в койку. А то совсем замоталась. Их много – она одна, никакого продыху. Мерещится вон черт-те что. Воронкой закрутилась прорезанная солнечным лучом пыль, словно в воздух бросили пригоршню муки и взбивают живое тесто цвета хаки, которое прет наружу в форме человеческого тела.

Прямо из ничего перед ней возник солдат в драной окровавленной гимнастерке, с расколотой, без крышки черепа, головой, держащейся на плечах, как пурпурная роза, страшный цветок с зубами. Моль растеклась по скамье киселем и тупо пялилась на сверхъестественное явление. Солдат шагнул к ней, раскрывая объятия:

– Здравствуй, мама, я за тобой.

Моль, у которой отродясь не было детей, жалобно охнула, когда ледяные руки сжали ее ребра. На второй *ох* не хватило воздуха. Она беззвучно изобразила ртом букву *О* и умерла. Тело завалилось набок, но только через полчаса вокзальный милиционер заметил скандально синее, в цвет халата, лицо усопшей.

Ветер принес голого на окраину уездного города Вязники в год нашествия Бонапарта. Эту историю Галина рассказала мне, когда стала моей бабушкой, сама узнала ее от своей бабушки, та – от своей, и так далее, по цепочке. Старушечий испорченный телефон сообщает, что в двенадцатом году западный ветер дышал на крыши городка перегаром московского пожара, и обыватели тревожились, как бы шалости Зефира не устроили кошмара на улицах Вязников. Французское слово приходило на ум из-за маленького капрала, который засел в Кремле, в кольце огня, словно импортная саламандра.

Вязники сплошь были деревянные и всегда хорошо горели. Мои предки жили на изгибе Клязьмы, на возвышенном месте, где раньше стояла крепость, когда-то служившая для защиты от кого-то. Замечательная фортеция с высокими стенами, которые комендант Суббота Чаадаев выстроил по приказу царя Алексея Михайловича, чье правление было сплошным лихолетьем. В столице бунты медные и соляные. В церквях распальцовка никониан и староверов. При таких обстоятельствах страшно жить маленькому человеку. Хочется укрытия, надежного места. Крепость была идеальным убежищем, бунтовщики и раскольники уважительно обходили ее стороной. Никто не дерзал штурмовать крутые

стены. Они сами в одночасье сгорели дотла по неосторожности защитников. Вот как все запутано в нашей истории. А ведь предупреждали умные люди: не курите на бочке с порохом!

Голый появился в октябре. Мальчишки бежали за ветром и встретили крутящегося вокруг себя неизвестного, чья нагота не имела прикрытия, кроме желтого кленового листа, прилепившегося к груди, как звезда. Мальчишки обрадовались безумцу и тут же выдумали дразнилку:

Ветер голого принес!

Крики разбудили девицу по фамилии Ражева. Она высулась на улицу и обомлела. Божественным показался ей танец обнаженного в вихре листопада. Он вращался отрешенно, как заводной, не замечая камней, которыми угощали его гостеприимные мальчишки.

Девушка прикрикнула на мелких злыдней, но те в ответ ноль внимания, и тогда она позвала братьев.

– Убивают! – завопила девушка.

Братья, в количестве четырех, выскочили из дома и рухнули от хохота, увидев дикое чудо в листьях, обдристанное кровью из носа, разбитого точным попаданием. Надо ли спасать такое?

Но все-таки решили спасти. Иначе любопытство замуча-

ет, если не узнают, откуда взялся сей адам.

Под руки привели его на двор, опоясав ему чресла рогожей, ибо имел он срам несусветный, как у коня. Хозяева даже подумали, не из сатиров ли пришелец. В губернии с древности водились чудесные создания. На стенах здешних церквей можно увидеть портреты мелюзин и кентавров, некогда изображенных с натуры. Теперь они охраняются ЮНЕСКО, а раньше люди просто удивлялись.

Принесенный ветром оказался немычачий. По-русски ни бе ни ме. Это навело хозяев на другую мысль: француз. Не так уж и далеко отсюда Москва. Видно, служивый отбился от своего Бонапарта и потерял дорогу. А пошто голый? Ну, так француз же!

Спорили долго, но всё без пользы. Тайна голого человека оставалась темна. Он не соглашался на разговор и скалил зубы, то ли веселясь, то ли угрожая. В конце концов решили с утра отвести его к священнику, а тот пускай думает. На ночь голого прикрепили к столбу во дворе, посадив на длинную цепь, чтобы не сильно страдал и мог поспать, лежа под забором.

Но прикованный бодрствовал, ему не лежалось. Он отверг рогожу и скакал по двору в лунном сиянии, во всей красе, гремя цепью и рыча на сторожевую псину, которая испуганно скулила, прячась в конуру. Девушка Ражева, как кукушка из ходиков, всю ночь выглядывала из окна и не могла насмотреться...

На этом месте дети всегда спрашивали у бабушек-рассказчиц:

– А потом она с ним поженилась?

Дети знают, что сказки кончаются свадьбой. Но бабушки им отвечали:

– Что вы! Кто бы ее отдал за нагого и немого безумца! Да и цепь он под утро оборвал. Не уследили, когда и куда умчался.

Маленькая Галя и ее старший брат Витя очень любили эту историю, по современным понятиям не годную для детской аудитории. Брат и сестра во весь дух неслись с горки, на которой стоял дом бабушки и дедушки, к речке, в которую они плюхались, на ходу успевая сбросить одежду. Пока бежали – кричали:

Ветер голого принес!

Характер девочки с комплексом гадкого утенка вычисляется по формуле: старший брат, всеобщий любимчик, плюс строгая мать минус слабый отец. Папаша Орлов покинул семью в двадцать восьмом году, оставив после себя только фамилию. Едва он удалился, как восьмилетний Витя объявил себя королем. Мальчик умел радоваться жизни. Чего нельзя сказать о его матери, беззащитной внутри себя перед лицом истории. Мария Васильевна преподавала в школе этот предмет, любила его, верила, что в нем есть смысл, который надо искать, а найдя – подчиниться. В двадцать четвертом году она вступила в партию большевиков, по так называемому «ленинскому призыву». Сам вождь мирового пролетариата, лежа в мавзолее, молчал как фиш, но его партайгеноссе, Троцкий и Сталин, решили, что это будет крутой прикол – записать в партию свеженьких романтиков, как если бы их позвал покойник. С точки зрения Марии Васильевны, это действительно было круто, однако даже Ленин занимал в ее сердце лишь второе место после ненаглядного Витюши. Галля, вечная номер три, искренне восхищалась братом, но хорошее чувство с детства было пропитано ревностью, как пирожные княгини Юсуповой цианистым калием.

На ночь мать не рассказывала детям сказок, презирая народное творчество, темную ложь неграмотных крестьян,

а заодно и легкомысленное бла-бла-бла Ершова-Пушкина. Мария Васильевна признавала только *non-fiction*. Правда и ничего, кроме правды. Перед сном Витя и Галя слушали подлинные истории декабристов, народовольцев, цареубийц и заговорщиков. Юсуповские пирожные, отправившие Распутина в ад, были сладким блюдом этого меню. Когда мать уходила из детской и закрывала за собой дверь, артистичный Витя начинал корчиться на кровати, изображая агонию старца Гришки. Испуганная Галя пряталась под одеялом. Представляю, что ей снилось.

На первый, второй и третий взгляд брат с сестрой были не похожи. Кудрявый, чернявый, рослый, гибкий и веселый, Витя куролесил на улице, верховодил компаниями и обхаживал девчонок с тех пор, как научился говорить. Бледная Галя часто куксилась и отсиживалась дома, страдая мигренями, в которые мать не верила, называя притворством. Хватит гримасничать, говорила она, не хнычь, закрой книгу, иди на воздух. Но Галя хныкала и продолжала читать, вырабатывая характер. Ее список прочитанной литературы был ответом на донжуанский список брата.

Азартное соревнование прервалось осенью сорок первого, когда самолет Виктора вспыхнул в небе над Смоленском. В почтовый ящик упало письмо из военкомата. Галя плакала три дня. Мария Васильевна молчала и ничего не ела. Холодный ужас выбелил ее волосы.

История, жестокая сука, отнимала у нее близких мужчин.

Одного за другим. Младший брат убит в Большом театре, старший сбрендил в Ярославле – боится отравления и употребляет только сырые яйца, всасывая их через нос. Сын пропал без вести. На этом фоне бегство супруга выглядело эпизодом водевиля.

Но пропасть без вести – худшее, что может сделать мужчина.

«Нет его в земле», – думала Галя. Что это значит? Какие дурацкие загадки у этих гадалок! Где же он? В какой стихии? Как может сестра найти брата у себя внутри? Вопросы мелькали в уме, как телеграфные столбы за окном вагона. Поезд шел в Саратов.

В купе, кроме Гали, вольготно расположились три весьма интересных пассажира. Всего трое. Как будто не было войны. Черноглазый, розовый, с тонкими усиками лейтенант, напоминающий креветку. Стриженная по-мужски дама на середине жизненного пути. Молчаливый майор со Сталиным в коричневой обложке.

Майор был погружен в чтение. Дама и лейтенант развлекались, играя в «ух ты!». Суть забавы состояла в том, что один закрывает глаза, а другой изображает из себя нечто такое, увидев которое нельзя не воскликнуть «ух ты!».

Первым водил лейтенант. Когда его спутница завязала глаза платком, он сунул за щеки по яблоку, выпучил глаза и высунул длинный язык, отчего стал похож на буддийского демона-защитника. «Ух ты!» – расхохоталась дама, сняв пла-

ток. Галя подумала, что у лейтенанта фантастическая пасть. Любой штатский наверняка вывихнул бы себе челюсти. Но молодой человек спокойно извлек изо рта яблоки и зажмурился, ожидая своей очереди прийти в изумление.

Веселая дама не подкачала. Лихо скинула платье и комбинацию, завернулась в простыню, оставив обнаженными плечи, а на голову водрузила тюрбан из полотенца. Галя страшно удивилась, до чего красивой может быть фигура, высокая грудь и все такое у старой (лет 35–40) женщины. А еще тому, что майор остался холоден к стриптизу и ни на секунду не отвлекся от Сталина. Зато лейтенант, открыв глаза, пришел в такое искреннее возбуждение, что Галя испугалась, как маленькая. «Ух ты!» – хором воскликнули игроки.

Лейтенант (*весьма довольный*): Я победил, два один!

Дама (*щеки порозовели*): Да уж! Пальма твоя. (*Обращается к Гале.*) Хотите с нами?

Галя: Спасибо. Я как-то не в настроении.

Д: Куда путь держите?

Г: В Энгельс. К жениху.

Д (*глядя на правую руку девушки*): Я вижу, что не к мужу. Составите нам компанию? Жених – это не постоянная переменная. Сегодня есть, завтра нет. (*Лейтенанту.*) Ну что? Поехали?

Л: Жених летчик?

Г: А кто же еще?

Д: Воздушный герой?

Л: Серьезный парень?

Д: Вы его любите?

Г (*улыбается*): Можно не отвечать?

Л: Сами, что ли, не знаете?

Д: Сомневаетесь?

Г: Не имею права?

Л: Бойтесь, что мы будем над вами смеяться?

Г: А вы будете?

Д: Мы похожи на убогих, которые смеются над любовью?

Г: А может быть, я еще не знаю, что такое любовь?

Л: Хотите, научим?

Г: Прямо сейчас?

Д: Почему бы и нет?

Г: А как же товарищ майор?

Д: Разве майоры не люди? (*Майору.*) Милый, ты человек?

Майор: Что?

Д: Тебе нравится девушка?

М: Какая девушка?

Д: Ты не видишь?

М: Ты не видишь, что я читаю?

Г: Вы любите Сталина?

Д: Ты могла придумать более глупый вопрос?

Г: Я глупая, ну и что?

Л (*с веселым смехом*): Проиграла! Это не вопрос.

Г: Во что я проиграла?

Л: Ты не поняла?

Г: Вы все время играете?

Д (с улыбкой): Мы начинаем второй тур?

Галя пожимает плечами.

Д: Хочешь, мы расскажем тебе о Сталине?

Г: Кто же не хочет!

Д: И кстати, ты не против на ты?

Г: Почему я должна быть против?

Д: Как можно не любить Иосифа Виссарионовича, мудрейшего из людей, если он подарил нашему народу счастье?

Г: Как можно!

Д: Ты знаешь, что Сталин категорически запретил нам сомневаться, взвалив этот груз на себя?

Г: Когда?

Л: Представляешь, как трудно – всю ночь сомневаться за всю страну и каждый раз находить единственно правильное решение?

Г: А вы это представляете?

Д: Ведь что делают на Западе?

Г: Что-нибудь ужасное?

Д: Разве там не морочат людям головы так называемыми свободными выборами?

Л: А какой от этого прок? Какая польза для народа?

Д: Зачем все время пробовать что-то новое?

Л: Какого черта?

Д: Не похожи ли тамошние граждане на избалованных детей, которым позволяют без разбора хватать из вазы конфе-

ты?

Л: Приходилось тебе облопаться сладким, хотя бы раз в жизни?

Г: С кем не бывало!

Л: Хочешь конфетку?

Г: Это метафора?

Д: Хочешь кандидата от правой партии?

Л: Или кандидата от левой партии?

Д: Шоколадку или ромовую бабу?

Г: Я должна выбрать?

Л: А ты способна попробовать всё?

Д: К чему это приведет?

Л: Не придется ли вызывать «скорую»?

Д: Тебе знакомо чувство тошноты?

Л: Представляешь, как мучаются трудящиеся в мире капитала?

Д: Ты читала Сартра?

Г: Кто это?

Д: Тебе не стыдно? Как можно не знать выдающегося французского сталиниста!

Г: Чем он так прекрасен?

Д: ...который не побоялся назвать капиталистическое общество его настоящим именем?

Л: «Это ад», – сказал он.

Г: Ха-ха. Вы увлеклись и проиграли.

Д: Возможно, да, а возможно, нет. Ведь мы всегда задаем

вопросы, ответы на которые знаем заранее благодаря Сталину. Мы живем в здоровом обществе, не мучаясь ерундой. Поэтому брось ломаться и давай играть в «ух ты!».

Много лет спустя, выпив за праздничным обедом немного вина, бабушка со смехом вспоминала, как сексуально озабоченная дама подписывала ее на оргию сталинистов и как ловко удалось тогда выкрутиться, побив даму ее собственным оружием – диалектическим материализмом. Галя похлопала глазками и ответила: ах, вы правы, какая я была дура, что сомневалась в любви своего жениха. Спасибо товарищу Сталину!

Но осадочек остался. Моему деду, в то время гипотетическому, она ничего не рассказала о разговоре на железной дороге. Сама капризничала всю дорогу во время их свидания под забором авиабазы и довела бедного парня до того, что он чуть-чуть повысил на нее голос. Тогда Галя воскликнула: ах так?! И уехала из Энгельса как бы навсегда.

У нее была феноменальная память. Фантазия тоже будь здоров. Плюс гигантский список прочитанной литературы. Словно карлик, стоящий на плечах гиганта, я слушал ее истории о далеком прошлом с подробной детализацией разговоров и думал: было или не было? Жизнь или театр? Клио или Мельпомена? Мы все врем о времени и о себе, но некоторые делают это так художественно, что сдвигают тебе точку сборки. Ходишь потом и сомневаешься как дурак.

Документы не проливают света. Чаще, наоборот, добавляют поэтической темноты. В кладовке старой квартиры хранится пачка писем девушки на фронт. Прекрасный почерк и легкие мысли блондинки, абсолютно безоблачные, когда марьяжные тревоги не портят настроения. Война, как говорится, войной, а девушка стареет. Двадцать один год, не шутка. Летом сорок третьего Галя при свидетелях заявила, что выйдет замуж до Нового года. Обязательно! И вот, приступив к исполнению плана, она садится за письмо:

«Успокойся, Дима, я, кажется, окончательно убедилась, что моим мужем будешь только ты. Ты сильнее всего, ты выше всех обстоятельств. Я никогда не решусь на последний шаг, пока знаю, что есть ты. Раньше я как будто смотрела пьесу, не понимая, кто главный герой. Все персонажи хороши, красивы,

остроумны. Но только твое отсутствие на этой сцене огорчает меня до слез».

По-моему, отличная заявка на участие в фестивале стервозности: я, *кажется, окончательно*. Но влюбленному штурману пикирующего бомбардировщика кажется, что это победа. Летая над театрами военных действий от Финляндии до Аляски, он осыпает Иваново воздушными поцелуями, которые благосклонно принимаются на земле:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.